

Патрушев Сергей

Небесная Цитадель:
ГНЕВ НЕБЕС

Сергей Патрушев

Небесная цитадель: Гнев небес

«Автор»

2026

Патрушев С.

Небесная цитадель: Гнев небес / С. Патрушев — «Автор», 2026

Алиса — гениальный инженер, чьи руки привыкли к маслу, а разум к формулам. Но когда Империя втягивает её в войну с безжалостными дварфами «Золотой Лапы», ей приходится создать нечто невозможное: пушку, стреляющую законами физики. Вместе с Люцианом — магом-изгнанником, чья суть сама Пустота, она переворачивает ход битвы. Теперь, спасая планеты, они понимают: их знания слишком опасны для власти. Чтобы не стать оружием тирании, они объявляют войну самой Империи, создавая независимую Гильдию наёмников.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дитя Небес	5
Глава 2. Искусство Заряжать Молнии	12
Глава 3. Мастер и Ученица	21
Г	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Патрушев

Небесная цитадель: Гнев небес

Глава 1. Дитя Небес

Ветер на Семнадцатом шпиле пах озоном, остывшим машинным маслом и озерной водой, которая билась о базальтовое основание острова тремя тысячами футов ниже. Для любого другого жителя Небесной Цитадели этот сквозняк, врывающийся в открытые створки ангара, означал бы верную смерть. Шаг в пустоту без страховочного жилета или индивидуального амулета левитации — и тело превратится в алое пятно на скалах Внешнего Пояса быстрее, чем успеешь выдохнуть.

Но для Алисы ветер был просто ветром.

Она стояла на самом краю обшивки, на узком карнизе шириной в две ладони. Босые ноги, перепачканные графитовой смазкой, уверенно чувствовали вибрацию гигантских турбин, скрытых в недрах острова. Внизу, в бесконечной синеве, плыли клочья утреннего тумана, сквозь которые изредка проблескивали чешуйчатые спины левиафанов — древних обитателей Великой Бездны, никогда не поднимавшихся к свету. Выше, закрывая половину небосвода, нависала исполинская громада Центрального Шпиля, столицы империи. Его шпиль, пронзающий стратосферу, был окутан перламутровым сиянием магических щитов, а по его склонам, словно светлячки, сновали тысячи гражданских дирижаблей, грузовых барж и военных фрегатов.

Небесная Цитадель не стояла на земле. Она и была небом.

Тысячу лет назад, во времена Великого Раскола, когда маги Земли раскололи континент, Архимаги Воздуха подхватили самые плодородные куски суши, спасая человечество от наступающей пустоты. С тех пор империя парила в атмосфере. Острова сшивались между собой титановыми цепями толщиной с крепостную башню, по которым бежали поезда на паровой тяге. Энергию давали геотермальные гейзеры, бьющие из разломов в коре островов, и эфирные кристаллы, добытые в самых опасных слоях Бездны.

Это был мир, где тяжелая, чадающая паром механика девятнадцатого века сплелась с изящной, смертоносной магией. Где поршни из гномьей стали толкали рычаги, приводящие в движение заклинания левитации, а в топках паровых котлов вместо угля горел очищенный жидкий свет.

Алиса была порождением этого союза. Дитя Небес.

В свои двадцать пять лет она была главным конструктором экспериментального цеха Семнадцатого Шпиля. Официально. Неофициально — она была гением, проклятием и спасением имперского Воздушного Флота.

— Алиса, бездна тебя раздери, слезай оттуда! — прогремел голос, перекрывая гул турбин. — Если твои птички увидят, что их создательница размазалась по Внешнему Поясу, они объявят забастовку из солидарности!

Из темноты ангара, опираясь на трость с тяжелым набалдашником из вольфрама, вышел Феликс. Его лицо, испещренное сетью глубоких морщин и старых ожогов, напоминало старую карту горных хребтов. Седая борода была заплетена в косу, скрепленную медными кольцами, а правый глаз заменял сложный артефакт из латуни и стекла, тихо жужжавший шестеренками при каждом движении. Феликс был легендой — тем самым инженером, который спроектировал первый паровой компенсатор отдачи для корабельных орудий.

Алиса даже не повернула головы. Она смотрела вниз, в бездну, и ее лицо, обычно сосредоточенное и резкое, сейчас казалось почти безмятежным. На ней был тяжелый кожаный фар-

тук, надетый прямо на голое тело, и холщовые штаны, обрезанные по колено. Руки до самых плеч покрывал слой черной смазки, в которой, словно звезды в космической пыли, блестели медные опилки.

— Они не птички, старик, — ответила она, и ветер унес ее голос в сторону. — Птицы машут крыльями инстинктивно. А мои машины — они дышат.

Феликс тяжело вздохнул, подошел к краю и, крепко ухватив девушку за шиворот фартака, втащил ее обратно на решетчатый пол ангара. Металл гулко клацнул, принимая вес.

— Твои машины — это тонны зачарованной стали, которые упадут вниз, если ты ошибешься в векторе тяги на полградуса, — проворчал наставник, но хватку ослабил. — Доклад из Штаба пришел час назад. Западный фронт прорван. Гончие Пустошей на бронеходах прорвались к Цепи Святого Марка. Если мы не перебросим туда «Валькирий» к закату, они срежут цепи, и весь Южный Пояс уйдет в свободное падение.

Алиса стерла с щеки каплю смазки тыльной стороной ладони, оставив на лице еще более широкий черный след.

— «Валькирии» не полетят.

— Это я знаю без тебя! — Феликс ударил тростью в пол, и по решетке прошла вибрация. — У них перегрев эфирных сердечников на пятнадцатой минуте полета! Броня слишком тяжелая, а маги воздуха выдыхаются быстрее, чем кочегары подбрасывают уголь! Мне нужен результат, Алиса! Мне нужны чертежи! Почему ты торчишь здесь, нюхаешь ветер и пугаешь до инфаркта старого механика, вместо того чтобы работать?!

Алиса посмотрела на наставника. В ее глазах, цвета грозового неба перед ливнем, не было ни паники, ни раскаяния. Только холодный, звенящий азарт. — Потому что я нашла решение, — тихо сказала она. — И оно тебе не понравится.

Она развернулась и пошла вглубь ангара. Феликс, бормоча проклятия, заковылял следом.

Ангар Семнадцатого Шпиля был огромен. Под сводчатым потолком из клепаной стали висели в силовых захватах три десятка истребителей класса «Стриж». Узкие, хищные корпуса из дюралюминия, скошенные крылья, на которых были выгравированы сложные руны стабилизации. Под брюхом каждой машины пульсировали тусклым синим светом эфирные кристаллы — сердца, дающие энергию для рун.

Это были лучшие машины империи. И они безнадежно устаревали.

— Смотри, — Алиса остановилась у ближайшего «Стрижа» и постучала костяшками пальцев по обшивке. — Классическая схема. Маг воздуха сидит в кокпите, держит купол рунной вязи. Он тратит семьдесят процентов своего резерва на то, чтобы просто заставить эту железную коробку не подчиняться закону всемирного тяготения. Еще двадцать — на маневры. На бой остается десять. Когда резерв падает, кристалл идет вразнос, руны плавятся, и пилот превращается в лепешку. Мы воюем магией, Феликс. А должны воевать физикой.

— Законы физики в небе работают иначе, девочка моя, — устало возразил Феликс. — Здесь нет земли, чтобы оттолкнуться.

— Есть, — Алиса улыбнулась, и эта улыбка заставила старого инженера замереть. — Просто она везде.

Она подошла к верстаку. В отличие от идеально чистых столов других конструкторов, заваленных калкой и латунными циркулями, верстак Алисы напоминал алхимическую лабораторию после взрыва. Повсюду стояли колбы с бурлящей жидкостью, свисали пучки медной проволоки, а в центре, на бархатной подушке, лежал предмет, от одного вида которого у Феликса перехватило дыхание.

Это был кристалл. Но он не пульсировал мягким светом, как стандартные аккумуляторы. Он казался куском абсолютной, застывшей тьмы. Он поглощал свет ангара, создавая вокруг себя крошечную зону сумерек.

— Фрагмент Бездны, — выдохнул Феликс. — Алиса, ты в своем уме? Хранить нестабильный антимагический минерал в ангаре, полном эфирных сердечников? Если он войдет в резонанс, от Семнадцатого Шпиля останется только дыра в атмосфере!

— Он стабилен, — Алиса взяла кристалл голыми руками. Масло на ее пальцах зашипело, вступая в реакцию с темной поверхностью камня. — Я покрыла его слоем застывшей крови левиафана и запечатала в матрицу из метеоритного железа. Он больше не высасывает магию вокруг себя. Он... перерабатывает ее.

Она подошла к «Стрижу» и с неожиданной силой ударила кулаком по обшивке под крылом. Заклепки брызнули во все стороны. Феликс только успел вскрикнуть.

Алиса запустила руку в пробитую дыру, игнорируя острые края металла, и с треском вырвала оттуда стандартный синий кристалл.

— Что ты творишь?! Это прототип Его Императорского Величества! — взревел Феликс, бросаясь к ней.

— Он полетит быстрее, — отрезала Алиса.

Она вложила осколок Бездны в гнездо. Камень вошел туго, с протяжным скрежетом, словно металл нехотя поддавался. Алиса ударила ладонью по обшивке, запечатывая дыру.

— Отойди, — бросила она.

— Я не позволю тебе взорвать...

— Отступи к лифту, феликс! — рывкнула она так, что задрожали стекла в дальних окнах ангара.

Старый инженер замер. Он знал этот тон. Когда Алиса говорила так, спорить с ней было бесполезнее, чем пытаться остановить голыми руками падающий остров. Он тяжело развернулся и, опираясь на трость, поковылял к бронированной кабине лифта в дальнем конце зала.

Алиса осталась одна.

Она положила обе ладони на фюзеляж «Стрижа». Закрыла глаза.

Для других магия была искусством, требующим долгих песнопений, жестов и концентрации. Для Алисы магия была языком, на котором разговаривало железо. Она не читала заклинания — она видела структуру мира. Она видела, как линии гравитации тянут остров вниз, к Бездне. Она видела, как эфирные потоки обтекают крылья, создавая подъемную силу. Она чувствовала трение воздуха о краску, слышала напряжение в титановых лонжеронах.

Она положила свой разум на острие крыла. Сначала ничего не происходило. «Стриж» оставался мертвым куском металла. Затем по смазке на руках Алисы пробежали искры. Они не обжигали. Они текли по ее венам, как жидкое серебро. Внутри истребителя что-то щелкнуло.

Синий свет стандартного кристалла всегда был теплым. Свет, начавший пробиваться из-под обшивки «Стрижа», был черным. Но это была не пустота. Это был свет, сжатый до плотности мысли.

Руны, выгравированные на крыльях, вспыхнули не синим, а ослепительно-белым, стальным светом. Металл вокруг них начал тихо гудеть, входя в резонанс.

Захваты, удерживающие машину под потолком, натужно взвыли. Гидравлические замки, рассчитанные на удержание веса в пять тонн, начали со звоном лопаться один за другим. Тросы толщиной в руку человека рвались, как гнилые нитки, со звуком пистолетных выстрелов.

«Стриж» не поднялся. Он просто перестал падать.

Он завис в полуметре от пола ангара, едва касаясь бетона кончиками пропеллера. Гул его двигателей был низким, утробным, похожим на рычание спящего хищника. Он не забирал энергию из эфира. Он пил саму пустоту Бездны, заключенную в камне, и превращал гравитацию в свое топливо.

Алиса открыла глаза. Зрачки ее на мгновение полыхнули тем же антрацитовым огнем, что и кристалл в брюхе машины.

— Ну здравствуй, — прошептала она. — Теперь полетели.

Она подошла к кабине. Колпак из бронестекла отъехал в сторону с мягким шипением. Внутри не было места для мага-сопроводителя. Кабина была рассчитана на одного человека. Приборная панель, состоящая из десятков манометров, показывающих давление в котлах, соседствовала с астральной картой и рунным проектором.

Алиса села в пилотское кресло. Кожаные ремни сами собой скользнули по ее плечам и груди, шелкнув замками. Она положила руки на рукояти.

Металл под пальцами потеплел, принимая хозяйку. Это было странное, интимное чувство. Не как управление инструментом. Как прикосновение к продолжению собственного тела.

Она чуть повела правым рычагом на себя.

Истребитель не дернулся. Он скользнул вверх, вертикально, с плавностью поднимающегося мыльного пузыря. Ни вибрации, ни тряски. Только свист разрезаемого воздуха, который становился все тоньше по мере набора высоты.

Алиса вывела машину из-под стальных сводов ангара прямо в открытое небо.

Солнце ударило по кабине. Семнадцатый Шпиль остался внизу — серый, индустриальный, прекрасный в своей уродливой мощи. Алиса потянула штурвал.

«Стриж» перевернулся через крыло.

В обычных машинах при таком маневре пилота вдавило бы в кресло с силой в пять-шесть G. Кровь отлила бы от головы, в глазах потемнело бы, а кости затрещали бы от напряжения.

Алиса не почувствовала ничего.

Черный кристалл внутри фюзеляжа работал как идеальный компенсатор. Он не отменял инерцию — он поглощал ее. Он брал на себя кинетическую энергию, превращая смертельные перегрузки в тепло, которое тут же рассеивалось через специальные радиаторные щели в хвосте. Машина могла крутить мертвые петли одну за другой, пока сам металл не начнет плавиться, а пилот внутри будет чувствовать себя так же комфортно, как в кресле-качалке.

— Феликс, — произнесла Алиса в латунный раструб переговорного устройства, вмонтированный в воротник. — Открой ворота главного стрельбища. И скажи парням из ПВО, чтобы не открывали по мне огонь. Я буду через тридцать секунд.

Она вдавила рукоять скорости.

Мир вокруг смазался.

Звук исчез первым. Истребитель двигался быстрее звука, оставляя за собой идеальный, геометрически правильный конус тишины. Воздух перед носом машины уплотнялся, раскаляясь от трения, но черные руны на обшивке впитывали и этот жар.

Алиса видела небо иначе, чем другие. Для обычного человека это была синева. Для мага воздуха — потоки и завихрения. Для Алисы небо было океаном. Океаном потенциальной энергии.

Она нырнула в нисходящий поток. «Стриж» камнем рухнул на тысячу футов вниз, ускоряясь под действием гравитации. Любой другой аппарат развалился бы от аэродинамического удара. Корпус «Стрижа» пел. Металл вибрировал, как струна, но держал форму.

У самой кромки облаков, там, где начинались шпили Внешнего Пояса, Алиса резко вывернула штурвал. Истребитель развернулся на сто восемьдесят градусов, не потеряв ни мили скорости, буквально встав на бок и используя собственный вектор падения как точку опоры.

Она вышла из пике прямо над полигоном.

Феликс ждал ее на смотровой вышке. Его латунный глаз вращал линзы, пытаясь сфокусироваться на черной точке, разрезающей небо.

Алиса выровняла машину. Пронеслась над вышкой на высоте десяти футов, так быстро, что ветер от ее пролета сорвал с головы Феликса кожаный капюшон.

Она потянула штурвал.

«Стриж» свечой ушел в стратосферу. Небо из синего стало фиолетовым, затем черным. Звезды здесь были яркими и колючими, лишенными дымки. Дышать становилось трудно, но

система фильтрации кабины, работающая на микровибрациях кристалла, исправно нагнетала кислород.

На высоте, где замерзает дыхание, Алиса остановила машину.

Она зависла в абсолютной тишине космоса, над империей. Внизу, насколько хватало глаз, парили острова Небесной Цитадели. На западе, у самого горизонта, там, где небо касалось земли Великой Бездны, вспыхивали зарницы. Там шел бой. Там гибли люди на старых «Стрижах», потому что их магические сердца не выдерживали темпа войны.

Алиса посмотрела на свои руки. Смазка на них высохла, потрескалась. Под ногтями была вечность.

Она была гением. Она создала машину, которая делала магов воздуха ненужными. Машину, которая могла обогнать любую стрелу, уйти от любого заклинания, пробить любой щит. Она создала идеальное оружие.

Но глядя на черное сердце истребителя, она чувствовала не гордость. Она чувствовала холод. Тот самый холод, что исходил от осколка Бездны.

Чтобы эта машина летала, ей нужна была пустота.

— Алиса, — прохрипел рация голосом Феликса. — Ты решила там поселиться? У нас война. Закат через два часа. Если «Валькирии» не будут готовы, я лично скину тебя с этого Шпиля без страховки.

Алиса улыбнулась. Холод отступил, сменяясь привычным, злым азартом.

— Уже спускаюсь, старик, — ответила она. — И у меня для тебя плохие новости. Мы только что отменили закон всемирного тяготения.

Она вдавила рукоять.

Обратный путь занял сорок секунд.

Когда черный «Стриж» прорезал крышу ангара и плавно, без единого лишнего движения, опустился на гидравлические опоры, Феликс уже ждал ее внизу. Он не кричал. Он просто стоял, скрестив руки на груди, и его единственный живой глаз смотрел на Алису с тем выражением, с каким отец смотрит на дочь, решившую поиграть со скальпелем.

Алиса выпрыгнула из кабины. Металл за ее спиной издал звук, похожий на вздох облегчения.

— Корпус нагрелся до восьмисот градусов при входе в атмосферу, — сказала она, снимая перчатки. — Охлаждение справилось за три минуты. Маневренность — идеальная. Перегрузки для пилота — нулевые. Скорость... Феликс, я обогнала звук. Я оставила свой голос на полпути к Внешнему Поясу.

— Что за камень? — глухо спросил старик, кивая на открытый технический люк, из которого сочился антрацитовый дымок.

— Стабилизированный фрагмент Бездны, — ответила Алиса. — Я назвала его «Сердце Левиафана». Он питается не эфиром. Он питается разницей потенциалов. Гравитация давит на остров сверху. Бездна тянет снизу. Камень встает между ними и ест это напряжение. Чем тяжелее машина, тем быстрее она летит. Чем сильнее маг пытается ее притянуть, тем мощнее импульс отдачи.

Феликс подошел к люку. Он долго смотрел в темноту, где пульсировал мертвый камень. — Если имперский флот поставит такие камни на дредноуты, — медленно произнес он, — нам не понадобятся маги. А если Гильдия Магов узнает, что их монополия на небо закончилась...

— Гильдия может целовать мои перепачканные маслом ноги, — отрезала Алиса. — Мы воюем с Пустошами. У Гончих нет магов. У них есть пушки, сталь и фанатичная жажда нашей земли. Мы проигрываем, потому что наши лучшие умы тратят жизнь на то, чтобы заставить перо из дюрала не падать. Я дала нам когти.

Она обошла истребитель, проводя рукой по еще теплomu металлу. — Мне нужно двадцать таких машин, Феликс. Двадцать «Валькирий» с Сердцем Левиафана. Облегченный кор-

пус, убрать лишние бронеплиты, оставить только защиту кокпита. Вооружение — две подвесные кассеты с термитными ракетами и курсовая эфирная пушка, запитанная напрямую от главного кристалла.

— Двадцать камней Бездны, Алиса? — Феликс устало потер переносицу. — У нас есть три. Остальные добыть негде. Охота на левиафанов в Глубинных Разломах — это самоубийство. Последний корабль, спустившийся туда, вернулся в виде металлической пыли.

Алиса остановилась. Она посмотрела на наставника, и в ее глазах впервые за весь день мелькнуло что-то похожее на сомнение.

— Значит, — тихо сказала она, — мне придется спуститься самой.

Феликс замер. — Ты не выйдешь из Разлома. Давление там такое, что сплющивает титан. Температура плавит сапфировое стекло. А твари...

— Я полечу на этом, — Алиса похлопала «Стрижа» по крылу. — Он выдержит. А если я найду там гнездо левиафанов... Феликс, представь. Не маленькие осколки для истребителей. Целые жилы этого камня. Мы сможем построить корабль, который поднимет в небо целый остров. Необитаемый. Превратим его в летающую крепость.

Она говорила, и с каждым словом ее голос становился тверже. Она видела эту картину так же ясно, как линии напряжения в металле. Небо, принадлежащее не магии, но инженерной мысли. Небо, где люди не будут зависеть от капризов эфирных сердец и выучки магов.

— Ты безумна, — прошептал Феликс, но в его голосе не было осуждения. В нем была пугающая гордость. — Ты абсолютное, чистое безумие, облаченное в кожаный фартук.

— Я — Дитя Небес, — ответила Алиса. — Мне положено.

Она подошла к верстаку, схватила кусок ветоши и начала яростно стирать смазку с рук. — Собирай команду механиков, — бросила она через плечо. — Работаем в три смены. Мне нужны чертежи облегченного фюзеляжа к вечеру. И отправь депешу на Центральный Шпиль. Запроси у Адмиралтейства разрешение на спуск в Глубинные Разломы. Официальная цель — геологоразведка.

— Они не дадут разрешения, — возразил Феликс. — Разломы закрыты со времен Падения Атлантиды.

— Тогда не пиши про Разломы, — Алиса впервые за день по-настоящему, широко улыбнулась, и эта улыбка сделала ее похожей на опасного, очень молодого хищника. — Пиши, что я лечу искать новые месторождения меди для радиаторов. Они любят медь. А я... я люблю летать.

Она надела свой летный шлем, который висел на крюке у входа. Черная кожа, латунные очки с набором сменных светофильтров.

— Куда ты? — спросил Феликс. — До заката еще есть время.

— У меня его нет, — Алиса застегнула ремешок под подбородком. — Пока Гончие Пустошей жгут наши цепи, я не могу сидеть в мастерской. Я должна почувствовать небо там, где оно болит.

Она забралась в кабину. Колпак с шелестом закрылся, отрезая ее от мира ангара, от запаха масла и ворчания старого механика. Внутри пахло озоном, холодным камнем и чем-то неуловимо древним, пахнувшим солью и глубиной.

Алиса положила руки на рукояти. «Стриж» отозвался мгновенно, вибрируя от сдерживаемой мощи.

— Присмотри за ней, — сказала она в пустоту кабины, обращаясь то ли к Феликсу, то ли к черному камню в ее сердце.

Истребитель плавно поднялся к потолку, прошел сквозь автоматически открывшиеся створки шлюза и вырвался в закатное небо.

Солнце окрашивало облака в цвет запекшейся крови и расплавленного золота. Алиса направила машину на запад. Туда, где горизонт дрожал от разрывов снарядов, где горела сталь

и умирали люди. Она не собиралась воевать. Она собиралась летать. И если для того, чтобы небо оставалось свободным, ей придется спуститься в самую пасть Бездны и вырвать оттуда ее сердце — что ж.

Механики не боятся темноты. Они просто берут с собой правильный инструмент. Алиса вдавила рукоять скорости, и солнце осталось позади.

Глава 2. Искусство Заряжать Молнии

Глубинные Разломы начинались не с пустоты. Они начинались с давления.

Алиса вела «Стрижа» сквозь слои атмосферы, которые не предназначались для дыхания. Внешний Пояс остался далеко наверху — там, где воздух был прозрачным, а солнце резало глаза алмазным блеском. Здесь, на глубине десяти лиг под основанием Небесной Цитадели, царил вечный багровый сумрак.

Давление за бортом было таким, что обычный дюралюминиевый фюзеляж давно превратился бы в блин. Но черный кристалл в сердце истребителя не просто держал машину в воздухе — он изолировал ее. «Стриж» летел внутри собственного, индивидуально настроенного пузыря нормального давления. Для Алисы это ощущалось как покой, но приборы на панели управления сходили с ума. Барометр давно зашкалил, а термопары показывали температуру, при которой закипает свинец.

— Тридцать вторая минута погружения, — произнесла Алиса в латунный раструб самописца. — Температура обшивки — четыреста градусов. Пузырь стабилен. Кристалл потребляет ноль эфира. Пью гравитацию, как хорошее вино.

Она говорила в пустоту, чтобы не сойти с ума от тишины. Здесь не было ветра. Не было птиц. Не было даже звуков далеких городов. Только глухой, утробный гул самой планеты, который передавался через кости черепа, и треск статического электричества, пляшущего на антеннах.

Впереди, разрывая багровую дымку, сверкнула первая молния.

Она не упала с неба. Она родилась прямо из воздуха, толстая, белая, ветвящаяся жила чистой энергии, ударившая в парящий неподалеку базальтовый шпиль. За ней последовала вторая, третья. Вскоре весь горизонт впереди превратился в сплошную паутину разрядов. Небо Глубинных Разломов непрерывно штормило. Здесь, на стыке плотного ядра планеты и пустоты Бездны, законы физики буквально плавились.

— Вот ты где, — прошептала Алиса, и ее глаза азартно сверкнули из-под затемненных стекол шлема.

Она знала теорию. Глубинные Разломы — это природная кузница. Место, где эфир, выдавленный из недр, встречается с колоссальным давлением и превращается в чистую, необузданную энергию. Маги Гильдии называли это место «Смертью Разума» — ни один колдун не мог удержать здесь заклинание, его просто сжигало в пепел в первую секунду каста. Но Алиса была не магом. Она была инженером. И там, где маг видел слепую разрушительную стихию, она видела идеальный, бесконечный источник питания.

— Феликс, старый ворчун, ты был прав, — сказала она, наклоняя штурвал. — Медь здесь действительно есть. Только она уже плавится.

«Стриж» вошел в шторм.

Удары молний обрушились на машину. В обычном мире это превратило бы истребитель в уголь. Но здесь, под защитой «Сердца Левиафана», каждый разряд встречал невидимую стену. Черный кристалл не отражал молнию — он всасывал ее.

Алиса чувствовала это через штурвал. Руки начало покалывать. По стеклам кабины поползли голубые змейки коронного разряда. Приборная панель вспыхнула сотней индикаторов — система пыталась переварить колоссальный приток энергии, на который она не была рассчитана.

— Лишнее в радиаторы! — скомандовала Алиса, бросая тумблер.

Из-под крыльев вырвались струи перегретого пара. Машина задрожала, сбрасывая избыток тепла. Алиса чувствовала, как «Сердце Левиафана» внутри фюзеляжа пульсирует, становясь тяжелее, плотнее. Он насыщался.

Но ей не нужен был просто полет. Ей нужны были аккумуляторы.

Алиса выровняла машину в самом центре шторма, где разряды били чаще всего. Она закрыла глаза, убирая руки со штурвала. Автопилот, связанный с кристаллом, удерживал «Стрижа» в одной точке, компенсируя удары ветра.

Она сняла правую перчатку и положила ладонь на холодную латунь приборной панели.

Феликс называл это «Искусством Заряжать Молнии». Для Алисы это всегда было самым мучительным процессом. Она была гением механики, ее разум мыслил шестеренками, векторами и пределами прочности стали. Магия же требовала пластичности, умения отпустить контроль и позволить энергии течь сквозь себя. Это противоречило всей ее природе.

— Вдох, — скомандовала она сама себе. — Не грудью. Легкими мы дышим там, наверху. Здесь мы дышим шкурой.

Она представила свою кожу не как границу тела, а как мембрану. Тонкую, вибрирующую поверхность. Первый разряд ударил совсем близко, в соседний шпиль. Вспышка была настолько яркой, что даже сквозь закрытые веки Алиса увидела кости своих рук.

Она потянулась к этой вспышке. Не разумом — нервными окончаниями. Она представила, как миллиарды вольт чистой, дикой энергии — это просто вода. Кипящая, обжигающая вода. А ее воля — это форма для льда.

— Конденсируй, — прошептала она.

Это было похоже на попытку зачерпнуть кипяток голыми руками и не обвариться. Энергия хлынула в нее. Это не было похоже на мягкое течение эфира, о котором рассказывали маги Гильдии. Это был удар тараном. Боль пронзила руку от кончиков пальцев до самого плеча, ударила в затылок, заставив зубы сжаться до хруста.

Алиса закричала, но не от страха — от колоссального напряжения воли. Она боролась со стихией не на жизнь, а на смерть. Если она дрогнет, если позволит энергии просто пройти насквозь, молния испарит ее нервную систему, превратив мозг в вареное яйцо за долю секунды.

Она начала скручивать энергию.

В ее правой ладони, прямо на коже, начал формироваться сгусток. Сначала это был просто раскаленный воздух, искажающий перспективу. Затем — крошечная, ослепительно белая искра. Алиса сжимала кулак, физически, до боли в сухожилиях, помогая своей воле. Она мяла энергию, как стеклодув мнет раскаленное стекло, придавая ему форму.

Искра росла. Она пульсировала в такт ударам ее сердца. Багровый сумрак Разлома за стеклом кабины казался теперь почти уютным по сравнению с тем солнцем, которое рождалось в ее ладони.

— Еще, — прохрипела Алиса, открывая глаза.

Зрачки ее сузились в две точки. Радужка светилась бледным, нездоровым электрическим светом. Она видела мир сейчас как схему: потоки тока в воздухе, узлы напряжения в скалах, тепловые следы от ударов молний.

Она зачерпнула второй разряд. На этот раз было легче. Тело поняло правила игры. Боль никуда не делась, но она стала фоном, привычным гулом станка.

Сгусток в ее руке сформировался окончательно. Это был шар размером с кулак, состоящий из переплетенных белых нитей, застывших в янтаре. Он не светился — он сам был светом. Он не обжигал, но воздух вокруг него дрожал от плотности.

Алиса открыла крошечный титановый контейнер на поясе. Внутри, на бархатной подушке, лежал идеально ограненный кристалл горного хрусталя — заготовка.

Она поднесла светящийся шар к кристаллу. Контакт.

Произошел не взрыв. Произошел звук, похожий на удар гигантского колокола, раздавшийся прямо внутри черепа Алисы. Энергия хлынула в кварц.

Кристалл не выдержал. Он не расплавился. Он просто перестал существовать в прежнем виде. Молекулярная решетка кварца перестроилась под давлением такой плотности. Камень

вспыхнул, и когда вспышка погасла, в руках Алисы лежал уже не хрусталь. Это был «Солнечный лед» — редчайший минерал, способный хранить заряд десятилетиями. Теперь он горел ровным, спокойным, насыщенным синим светом.

Один аккумулятор. На создание которого ушел десяток молний и почти весь резерв воли Алисы.

Она обмякла в кресле. По вискам градом катился пот, смешиваясь со смазкой на щеках. Рука, державшая энергию, мелко дрожала. Мышцы сводило судорогой.

— Один, — выдохнула она, включая запись. — Затраченное время: четыре секунды. Затрачено энергии: эквивалентно взрыву тонны пироксилина. Результат: один стабильный элемент питания. Эффективность — дермовая.

Она тряхнула головой, пытаясь разогнать цветные пятна перед глазами. «Солнечный лед» в ее ладони пульсировал ровно и успокаивающе. Если вставить такой кристалл в систему жизнеобеспечения истребителя, он сможет поддерживать работу фильтров кислорода и обогрева кабины в течение года без подзарядки. Если поставить такой на датчике раннего обнаружения — он будет сканировать эфир на сотни миль вокруг, пока сам остров не рассыплется в прах.

Но ей нужно было двадцать истребителей. Двадцать машин, каждая из которых требовала десятков таких кристаллов для сенсоров, оружейных систем и щитов.

— Хорошо, — Алиса сжала зубы. — Если гора не идет к Магомету, Магомет строит промышленный конденсатор.

Она снова положила руки на штурвал. — «Стриж», — обратилась она к машине. — Покажи мне свое горло.

Истребитель понял ее без слов. Механическая связь между пилотом и «Сердцем Левиафана» за последние недели стала почти симбиотической. Машина плавно накренилась, открывая нижний технический люк.

Алиса достала из набедренной сумки моток медной проволоки с палец толщиной. Проволока была покрыта сложной гравировкой рун — работа Феликса.

— Сейчас мы будем делать тебе больно, — пробормотала Алиса, привязывая один конец проволоки к поручню кабины. — Но тебе понравится.

Она открыла колпак. В кабину ворвался багровый, раскаленный воздух Разлома. Алиса, не обращая внимания на жару, перебралась на крыло, а оттуда — к открытому техническому люку.

«Сердце Левиафана» пульсировало в темноте ниши. Оно выглядело как кусок застывшей нефти, но если присмотреться, внутри него медленно, в такт ударам сердца машины, двигались спирали галактик.

Алиса начала обматывать кристалл медной проволокой. Это была катушка. Гигантская, грубая, но невероятно эффективная индукционная катушка. Руны на меди должны были направить поток, не дать ему рассеяться.

— Прости, малыш, — Алиса похлопала черный камень. — Пришло время тяжелой артиллерии.

Она вернулась в кабину. Руки дрожали от усталости, но времени на отдых не было. Гончие Пустошей не будут ждать, пока она наберется сил.

— Активировать внешнюю матрицу, — скомандовала она.

«Стриж» перенаправил потоки. Вместо того чтобы тратить гравитационную тягу на полет, он начал закачивать ее в медную катушку, окружающую кристалл.

Алиса посмотрела на небо. До этого она ловила случайные молнии. Теперь она собиралась стать рыбаком, который ловит сетью шторм.

Она выставила ладонь за пределы защитного пузыря. Это было чистое самоубийство. Если щит падет хотя бы на миллисекунду, давление Разлома превратит ее руку в фарш, а молния испепелит плечо.

— Давай, — прошептала она. — Давай же.

Она начала тянуть.

Это было иное чувство. Раньше она была губкой, впитывающей воду. Теперь она стала насосом. Она не ждала разряда. Она сама потянулась к небесам Разлома, создавая канал — невидимую, вибрирующую от напряжения струну из своей воли, соединившую кончики ее пальцев с самыми темными, самыми наэлектризованными тучами.

Воздух вокруг «Стрижа» загустел. Багровая дымка начала светлеть, наливаясь мертвенно-фиолетовым светом. Волосы Алисы, выбившиеся из-под шлема, встали дыбом и начали потрескивать.

— Еще... — шипела она сквозь сжатые зубы. — Еще немного...

Где-то в глубине ее мозга, там, где жила математика, щелкнул переключатель. Она перестала быть человеком. Она стала проводником.

С неба сорвалась молния. Но она не ударила в скалы. Она ударила прямо в ладонь Алисы.

Это не было похоже на прошлый опыт. Это была не искра. Это была река. Белая, ревущая река Амазонка из чистого электричества. Она хлынула по руке Алисы, в плечо, в позвоночник. Боль была запредельной, ослепляющей. Она выжигала воспоминания, мысли, саму личность. Остался только гул. Низкий, утробный гул трансформатора под нагрузкой.

Алиса не могла кричать. Ее диафрагма была парализована током. Она могла только держать канал открытым.

Медь на кристалле начала светиться вишневым, затем оранжевым, затем белым. Проволока плавилась, но руны, выжженные Феликсом, держали форму, направляя безумный поток энергии прямо в «Сердце Левиафана».

Черный камень зашипел. Он не мог поглотить столько сразу. Алиса почувствовала, как кристалл внутри фюзеляжа начинает трескаться. Если он лопнет, «Стриж» исчезнет во вспышке, ярче тысячи солнц.

— Сброс! — прохрипела она, вкладывая в этот приказ остатки сознания.

«Сердце Левиафана» сработало как клапан в паровом котле. Избыток энергии, который оно не могло переработать, хлынуло обратно — не в пустоту, а в саму структуру истребителя.

Крылья «Стрижа» вспыхнули. По ним побежали не просто змейки — по ним потекли реки жидкого белого огня. Заклепки на обшивке начали испаряться. Машина начала падать. Тяга исчезла, гравитационный пузырь схлопнулся под весом обрушившейся мощи.

Алиса наконец смогла выдохнуть. Она сорвала руку с канала. Молния в небе разочарованно взвыла и ударила в базальт в десяти футах от падающего истребителя, испарив кусок скалы.

«Стриж» падал. Багровое небо и раскаленные скалы стремительно менялись местами. Скорость падения росла. Если они ударятся о дно Разлома, от машины останется только идеально ровное пятно расплавленного металла.

— Давай, дыши, — Алиса ударила ладонью по панели, разбивая пальцы в кровь. — Дыши, кусок ржавчины!

И машина вдохнула.

«Сердце Левиафана», теперь перенасыщенное энергией до предела, начало отдавать ее обратно. Но не хаотично. Энергия, пропущенная через тело Алисы и закаленная в меди, стала упорядоченной. Из сопел вырвался не пар. Из них вырвался луч слепящего белого света.

Истребитель не просто затормозил падение. Его буквально выстрелило вверх, как из катапульты. Перегрузка вдавила Алису в кресло так, что мир на секунду почернел.

Когда зрение вернулось, она была уже высоко над штормовым фронтом Разломов. Под брюхом «Стрижа» простиралось багровое море облаков, из которого продолжали бить исполинские молнии.

Алиса посмотрела на свои руки. Кожа на правой ладони обуглилась, покрылась черными струпьями в форме ветвящегося дерева — точный отпечаток пути молнии. Но под струпьями, в самой плоти, пульсировал тот же белый свет, что и в кристаллах. Ее собственная кровь, казалось, теперь проводила ток.

Она перевела взгляд на приборы. Температура обшивки — критическая. Состояние «Сердца Левиафана» — нестабильное, пульсирует с частотой двести ударов в минуту. Запас энергии — полные сто процентов. И еще столько же плескалось в резервных контурах, грозя сжечь предохранители.

— Мы сделали это, — прошептала Алиса, и ее голос прозвучал хрипло и незнакомо. — Мы выпили грозу.

Она открыла технический люк. Медная катушка превратилась в лужу застывшего металла. От нее несло озоном и гарью. Но внутри ниши, прямо на поверхности черного кристалла, теперь росли наросты.

Алиса осторожно, используя магнитный манипулятор, извлекла один из них. Это был идеальный, неправильной формы слиток «Солнечного льда», размером с человеческую голову. Он светился ровным, спокойным синим светом, в котором можно было читать. Энергии в нем хватило бы, чтобы освещать целый район Небесной Цитадели в течение месяца.

А рядом формировался второй. И третий. «Сердце Левиафана», переварив принудительную кормежку, начало самостоятельно конденсировать излишки в чистые кристаллы.

— Промышленное производство, — усмехнулась Алиса, падая на спинку кресла. Мышцы отказывались держать тело. — Самый дорогой и болезненный способ самоубийства.

Она достала флягу с водой. Металл обжег обугленные пальцы, но она сделала жадный глоток. Вода имела привкус крови и озона.

— Феликс, — она включила связь. — Старик, ты не поверишь, что я нашла в этой заднице мира.

В динамиках долго трещала статика. Глубинные Разломы глушили радиоволны. — Алиса? — голос Феликса прорвался сквозь помехи, хриплый от тревоги. — Ты жива? Твой маяк исчез с радаров на сорок минут. Я уже хотел спускать спасательную бригаду, хотя знал, что они там поджарятся.

— Я в порядке, — соврала Алиса. Обугленная рука пульсировала болью в такт сердцу. — У меня для тебя подарки. И новости. — Сколько? — сразу понял суть старый инженер. — Три слитка первого сорта. Размером с кулак. И машина заряжена под завязку. Мы можем летать на этой энергии неделю без подзарядки.

Пауза на том конце была долгой. Алиса слышала в фоне гул турбин Семнадцатого Шпиля. — Поднимайся, — наконец сказал Феликс. — И будь осторожна. Когда тыходишь в шторм, сама Бездна начинает на тебя охотиться.

— Бездна может постоять в очереди, — огрызнулась Алиса, берясь за штурвал. — У меня горят сроки.

Она развернула «Стрижа». Обратный путь был легче. Машина, налитая чистой яростью Разлома, летела так, словно гравитация для нее больше не существовала. Она скользила сквозь облака, оставляя за собой инверсионный след, который светился от статического электричества.

Алиса смотрела на горизонт, где уже виднелись исполинские цепи, удерживающие Центральный Шпиль. Ее тело было разбито. Правая рука была фактически выведена из строя. Нервная система гудела, как перетянутая струна.

Но разум был ясен. Она сидела в кабине истребителя, который нарушал все законы физики, которые ей преподавали в Академии. Она держала в магнитном захвате за спиной три камня, каждый из которых стоил дороже, чем постройка нового Шпиля.

И она думала о рычагах. Если один «Стриж» после одного погружения дал три аккумулятора, то что будет, если спустить вниз баржу? Огромную, тяжелую платформу, на которой можно установить промышленные медные катушки размером с крепостную башню? Если заземлить их в базальт Разлома и направить энергию не в один кристалл, а в целую матрицу?

— Они хотят войну на истощение, — сказала она вслух, обращаясь к приборной панели. — Что ж. Мы истощим саму грозу.

Она влетела в воздушное пространство Семнадцатого Шпиля на закате. Солнце садилось за край Великого Разлома, окрашивая небо в цвета запекшейся крови — ироничное совпадение с цветом Глубин, которые она только что покинула. Навстречу ей тут же пристроились два патрульных «Стрижа» старой модели. Их синие кристаллы горели тускло, пилоты внутри наверняка изнывали от перегрузок.

Патрульные дали предупредительный залп из эфирных пушек — две лиловые вспышки прошли в опасной близости от кабины.

Алиса не обиделась. Она знала, как выглядит со стороны. Черный, изуродованный истребитель, оплавленная обшивка, отсутствие опознавательных знаков на хвосте — она была похожа на Гончую Пустошей или, что еще хуже, на демона Бездны.

Она переключила частоту на общую имперскую. — Семнадцатый Шпиль, это «Стриж»-Один. Пилот Алиса. Код «Падение Атлантиды». На борту нестабильный груз. Прошу очистить коридор посадки.

В эфире повисло молчание. Код «Падение Атлантиды» использовался только в случае захвата машины врагом или потери рассудка пилотом. — «Стриж»-Один, — отозвался наконец хриплый голос диспетчера. — Назовите визуальный признак подтверждения.

Алиса усмехнулась. Старый параноик Феликс. Она чуть приоткрыла технический люк в брюхе машины. Из него вырвался не дым и не пар. Оттуда полился ровный, холодный синий свет, настолько яркий, что он пробил насквозь обшивку кабины и осветил кабину патрульного пилота, летевшего рядом. Тот шарахнулся в сторону, как от призрака.

— Синий свет, диспетчер, — спокойно сказала Алиса. — Чистейший «Солнечный лед». Открывайте ангар, пока я не засветила вам все приборы.

Ангар Семнадцатого Шпиля встретил ее гробовой тишиной. Когда «Стриж» опустился на платформы, и колпак отъехал в сторону, Алиса поняла, почему все молчат.

Она выглядела как выходец из могилы. Лицо черно-серое от смеси сажи и пота. Правая рука замотана импровизированной повязкой, сквозь которую проступает темная, странно светящаяся кровь. Белки глаз красные от полопавшихся сосудов.

Но когда она прыгнула на решетчатый пол, держа в здоровой руке светящийся кристалл, даже самые старые механики, прошедшие три войны, отступили на шаг. От Алисы пахло не просто озоном. От нее пахло смертью и чем-то древним, тем, чем пахнет воздух перед тем, как в дерево ударяет молния.

— Не стойте столбом, ржавые вы шестеренки! — рявкнула она, и ее голос сорвался на хрип. — У нас работы на всю ночь.

Из тени ангара, тяжело опираясь на трость, вышел Феликс. Он не подошел к ней сразу. Он обошел «Стрижа» по кругу, осматривая оплавленные борта, испарившиеся заклепки, застывшие потеки меди. Его латунный глаз тихо жужжал, сканируя повреждения.

— Ты чуть не испарила себя, — сказал он, остановившись напротив. В его голосе не было крика. Только бесконечная, глухая усталость. — Я насчитал сорок две критические точки плавления. Ты сожгла главный радиатор.

— Он мне больше не нужен, — Алиса протянула ему кристалл. Свет упал на лицо старика, выхватив каждую морщинку. — Держи. Этого хватит, чтобы запитать систему жизнеобеспечения твоего кабинета на год. Или чтобы сделать щит для одного из малых островов.

Феликс взял камень осторожно, как ядовитую змею. Он был тяжелым. Старик подкинул его на ладони, прислушиваясь к ровному гулу. — Ты пропустила через себя молнию, — констатировал он, глядя на ее обугленную руку. — Прямым контактом. Без посредника. Твоя нервная система должна быть выжжена дотла. Как ты вообще стоишь?

— На злости, — Алиса пошатнулась, но удержала равновесие. — И на «Сердце». Оно... привыкает. Мы с ним начинаем понимать друг друга. Старик, это меняет всё. Гильдия Магов нам больше не нужна. Мы можем питать флот чистой яростью неба.

Феликс посмотрел на нее долгим, тяжелым взглядом. — Ты не просто заряжаешь молнии, Алиса, — тихо произнес он. — Ты сама становишься молнией. Но молния не знает усталости. Она не знает боли. Она просто бьет, пока не уничтожит всё, через что проходит. Включая саму себя.

— Тогда я буду самой разрушительной молнией в истории этой империи, — усмехнулась Алиса, но улыбка вышла кривой и болезненной. — Подключай подъемники. Мне нужно снять «Сердце». Я должна его перебрать. После такого удара в нем наверняка пошли микротрещины в матрице.

— Ты не прикоснешься к нему в таком состоянии, — отрезал Феликс. — Иди в медблок. Пусть лекарь посмотрит на твою руку. Если ты уронишь отвертку из-за тремора, и она коснется матрицы, мы потеряем не только машину. Мы потеряем весь Шпиль.

Алиса хотела возразить. Сказать, что у них нет времени, что Гончие уже у Цепи Святого Марка, что каждая минута промедления стоит жизней. Но пол ангара вдруг накренился. Вибрация турбин, которая всегда была для нее колыбельной, превратилась в тошнотворную качку.

Она сделала шаг к Феликсу, но ноги подкосились. Черный кристалл в брюхе истребителя последний раз полыхнул тревожным багровым светом, и Алиса провалилась во тьму. Последнее, что она почувствовала, были руки старого механика, подхватившие ее у самого пола, и запах его пропитанного табаком и машинным маслом пальто.

Сны в медблоке Семнадцатого Шпиля были странными. Здесь не было мягких перин — только жесткие койки с магнитными фиксаторами для переломов. Но Алиса не чувствовала жесткости. Она плыла.

Она снова была в Разломе, но на этот раз у нее не было «Стрижа». Она была обнажена, и багровый воздух не обжигал ее легкие. Она сама была воздухом.

Вокруг нее бушевала гроза. Но молнии здесь были живыми. Они были не просто разрядами — они были существами. Огромными, слепленными из света и первобытного гнева змеями. Они извивались в небе, их чешуя трещала статикой.

Одна из них отделилась от тучи и направилась к Алисе. Она была размером с крепостную башню. От ее приближения плавился базальт.

Алиса не испугалась. Она знала, что это ее сон, ее разум, пытающийся переварить то, что она сделала. Она шагнула навстречу молнии и открыла рот.

Она не кричала. Она втянула молнию в себя. Она чувствовала, как та проходит сквозь гортань, обжигает пищевод, вливается в кровь. Молния боролась. Она пыталась разорвать ее изнутри, найти выход, испарить плоть.

Но Алиса была инженером. Во сне ее разум работал так же четко, как за чертежной доской. Она не боролась с болью. Она начала ее измерять. «Температура ядра — пять тысяч градусов. Пульс — невозможен. Сопротивление тканей — падает. Пропускная способность — растет».

Она начала скручивать молнию внутри своего живота в тугой узел. Ей не хватало места. Молния требовала выхода. Алиса посмотрела вниз, на свой живот, и увидела, что ее кожа стала прозрачной стеклом. Внутри, в сплетении кишок и костей, разгоралось маленькое, яростное солнце.

— Рано, — сказала она своему сну. — Еще не всё.

Она сжала кулак. Солнце внутри нее вспыхнуло, и сон разорвался ослепительной белой вспышкой.

Алиса села на койке, жадно хватая ртом воздух. Она была в медблоке. Горел тусклый магический светильник. Правая рука лежала на подушке, упакованная в сложный каркас из медных обручей и бинтов. Она больше не болела дикой, острой болью. Теперь она была тяжелой, чужой и холодной, словно к ней привязали кусок мрамора.

— Пять минут, — раздался голос из темноты. — Ровно пять минут ты билась в конвульсиях, когда лекарь попытался влить в тебя зелье регенерации. Твоя кровь выпила магию из состава, а электричество чуть не сварило ему руку.

Феликс сидел в кресле у окна. В руках у него была чашка с остывшим кофе. Латунный глаз тускло отражал свет ночника.

— Где «Стриж»? — голос Алисы был хриплым, как наждачная бумага.

— В ангаре. Под куполом. Я запретил к нему подходить. «Сердце Левиафана» после твоего обморока начало пульсировать с частотой в сто герц. Мы боялись, что он пробьет дыру в пространственном континууме. Только час назад пульсация вошла в норму.

Алиса спустила ноги с койки. Голова кружилась, но мысли были ясными. — Я должна его видеть.

— Лекарь сказал, что если ты встанешь, он привяжет тебя к кровати жгутами, — Феликс тяжело поднялся. — У тебя ожог четвертой степени, Алиса. Кость не задета только чудом. Или не чудом, а тем, что ток прошел по поверхности, по пути наименьшего сопротивления. Твоя кожа сейчас... в общем, зрелище не для слабонервных.

— Я не слабонервная, — Алиса встала. Мир качнулся, но она вцепилась в край стола. — Помоги мне дойти.

Феликс не стал спорить. Он просто подставил свое плечо. Старый механик был крепким, но под весом Алисы он крякнул.

Они вышли в коридор. Семнадцатый Шпиль никогда не спал. Слышался гул турбин, лязг металла, далекие свистки паровиков. Но когда они подошли к дверям ангара, там стояла непривычная тишина. У входа дежурили четверо бойцов в тяжелой броне Имперской Гвардии. При виде Алисы и Феликса они взяли оружие на караул.

— Приказ Командования Центрального Шпиля, — прогудел один из них через респиратор. — Объект «Сердце Левиафана» и пилот Алиса ди Фальконе переводятся под прямое управление Адмиралтейства. Семнадцатый Шпиль отстранен от работ.

Алиса замерла. — Что? — ее голос прозвучал тихо, но в нем лязгнула сталь.

— Прибыл курьерский дирижабль два часа назад, — вмешался Феликс, его лицо потемнело. — С ними маги Гильдии. Хотят изъять кристалл для изучения.

— Они не посмеют, — Алиса шагнула к гвардейцу. — Это мой проект. Моя машина. Мой кристалл.

— Пилот Алиса, — гвардеец остался непреклонен. — У меня приказ. При попытке проникновения — открывать огонь на поражение.

Алиса посмотрела на свою забинтованную руку. Посмотрела на закрытые створки ангара, за которыми в темноте спал ее «Стриж». Посмотрела на мага Гильдии, который как раз выходил из боковой двери, кутаясь в белоснежную мантию — символ чистоты и превосходства над «чернью» механиков.

Маг был молод, высокомерен, и от него пахло лавандой и дорогим парфюмом. — А, вот и наша диковинка, — протянул маг, окидывая Алису брезгливым взглядом. — Механик, выживший после поцелуя Бездны. Совет Гильдии крайне заинтересован в вашем... устройстве. Вы передадите кристалл добровольно, или нам придется применить силу?

Алиса медленно повернулась к Феликсу. Старый инженер смотрел на мага с нескрываемой ненавистью. — Если они заберут «Сердце», — тихо сказала Алиса, — война проиграна. Гильдия не умеет строить. Они умеют только изучать. Пока они будут год препарировать кристалл, Цитадель падет.

— Я знаю, — так же тихо ответил Феликс.

— Значит, мы его не отдадим, — Алиса сделала еще один шаг. Гвардейцы вскинули ружья.

— Стоять! — рявкнул командир. — Последнее предупреждение!

Алиса остановилась. Она посмотрела на мага. Тот стоял с самодовольной улыбкой, небрежно поигрывая тростью с серебряным набалдашником.

— Знаешь, в чем разница между тобой и мной? — вдруг спросила Алиса, глядя прямо в глаза чародею.

Маг удивленно приподнял бровь. — Между аристократкой, измазанной в мазуте, и магистром Воздуха? Почти во всем, дорогуша. Например, в том, что я могу превратить тебя в пепел щелчком пальцев, а ты можешь только вонять горелым мясом.

Алиса улыбнулась. Это была страшная, пустая улыбка. — Разница в том, — сказала она, — что ты щелкаешь пальцами. А я — заряжаю молнии.

Она не сделала ни одного резкого движения. Она просто позволила тому, что накопила в Разломе, выйти наружу. Это не было заклинанием. Не было пассов руками или слов на мертвом языке. Это был просто выдох.

Воздух между Алисой и гвардейцами на мгновение замер. А потом по их броне, по стволам ружей, по плитам пола побежали синие, слепящие дуги разрядов.

Гвардейцы не кричали. Их нервные системы отключились мгновенно. Они просто рухнули на пол, как марионетки с обрезанными нитями, их доспехи оплавившись в местах сочленений.

Маг Гильдии не упал. Он был силен. Он успел выставить щит. Лиловая полусфера вспыхнула вокруг него, отталкивая разряды. — Да как ты смеешь, дрянь! — взвизгнул он, начиная плести в воздухе сложную вязь контрзаклинания. — Нападение на магистра! Да тебя четвертуют!

— Четвертование требует, чтобы у тебя были конечности, — спокойно ответила Алиса.

Она подняла свою здоровую левую руку. Обугленная правая висела плетью, но Алиса чувствовала ее. Чувствовала, как под бинтами бегут искры. Она не стала бить мага молнией. Это было бы слишком просто.

Она посмотрела на серебряный набалдашник его трости. Серебро — прекрасный проводник.

Алиса просто представила, как трость становится в тысячу раз тяжелее. Как гравитация, которую она так любила пить на глубине, вцепляется в этот кусок металла.

Трость в руке мага дернулась вниз. С такой силой, что хрустнули запястья. Маг упал на колени, пытаясь удержать ее, но серебро тянуло его к стальным плитам пола. — Что... что ты... — прохрипел он.

— Я просто заземляю тебя, — сказала Алиса.

Она щелкнула пальцами левой руки. Это не был театральный жест. Это был просто короткий, сухой

Глава 3. Мастер и Ученица

Трость мага Гильдии вошла в стальной пол ангара с оглушительным скрежетом, пробив трехдюймовую клепаную плиту. Сам чародей рухнул следом, придавленный собственным оружием, которое внезапно обрело вес свинцового ядра. Лиловый щит вокруг него лопнул с жалобным звоном разбитого хрусталя.

Алиса стояла неподвижно. Воздух вокруг нее потрескивал, насыщенный озоном до такой степени, что першило в горле. Она не чувствовала триумфа. Только звенящую пустоту в висках и тяжелый, холодный вес в правой руке, которая больше не принадлежала ей полностью.

— Как... как ты это сделала? — прохрипел маг, пытаясь приподнять голову. Его белоснежная мантия покрылась серой пылью и пятнами машинного масла, превратив символ чистоты в лохмотья нищего. — Это не магия Воздуха. Это... это нарушение законов массы.

— Это инженерия, — спокойно ответила Алиса. Она сделала шаг вперед. Сапоги гулко ударили по металлу. — Ты пытаешься согнуть реальность волей. Я просто меняю коэффициенты в уравнении гравитации. Твоя трость весит ровно столько же, сколько и секунду назад. Просто теперь вектор притяжения направлен строго вниз, а сопротивление материала пола я снизила до нуля. Элементарная физика, магистр. Жаль, что в Академии Гильдии ее преподают плохо.

Феликс, стоявший чуть поодаль, медленно опустил разводной ключ, который схватил, когда гвардейцы вскинули ружья. Его латунный глаз тихо жужжал, фокусируясь то на Алисе, то на дыре в полу. Лицо старика было бледным, но в глубине единственного живого глаза разгорался огонек, который Алиса боялась видеть больше всего — огонек чистого, незамутненного восхищения.

— Гвардейцы живы, — хрипло сказал Феликс, нарушая звенящую тишину. — Просто в глубоком шоке. Обмотки в их доспехах не выдержали частоты.

— Проверь пульс того, что слева, — бросила Алиса, не оборачиваясь. — Я переборщила с амперами, у него может остановиться сердце. Дай ему разряд в триста вольт в область грудины, должно запуститься.

Феликс замер с открытым ртом. — Ты... ты предлагаешь мне ударить имперского гвардейца током, чтобы спасти ему жизнь? — Если не хочешь делать искусственное дыхание рот в рот, то да, — Алиса наконец повернулась. Ее глаза, обычно цвета грозового неба, сейчас напоминали два осколка «Солнечного льда» — такие же прозрачные, холодные и полные скрытой энергии. — Время, старик. Гильдия не приходит в одиночку.

Словно в ответ на ее слова, внешняя переборка ангара взвыла сиреной. Тяжелые противовзрывные створки начали медленно, дюйм за дюймом, опускаться, отрезая мастерскую от внешнего мира.

— Карантинный протокол «Абсолют», — констатировал Феликс. — Кто-то на Центральном Шпиле очень хочет поговорить с нами без свидетелей.

— Или похоронить нас под видом утечки эфира, — Алиса подошла к магу, который все еще пытался выдернуть застрявшую трость. — Вставай, белое пальто. Твой визит окончен.

Она наклонилась и без видимых усилий выдернула серебро из стали. Пол под ногами мага дрогнул, гравитация вернулась в норму, и чародей мешком осел на пол, жадно хватая ртом воздух. — Ты... ты не понимаешь, с кем связалась, — просипел он, отползая назад. — Совет Гильдии сотрет твой Шпиль с карт.

— Пусть попробуют, — Алиса швырнула ему трость. — Передай своему Совету, что если они еще раз пришлют сюда своих лакеев, я приду на Центральный Шпиль лично. И мы посмотрим, чей разум плавится быстрее от перегрузки. Мой или их эфирные сердечники.

Маг схватил свою трость и, пошатываясь, бросился к лифту. Гвардейцы, которых Феликс успел привести в чувство парой пощечин и действительно аккуратным разрядом тока, молча расступились перед ним.

Створки ангара с лязгом встали на место. Наступила абсолютная, давящая тишина, нарушаемая только гулом турбин глубоко под ногами.

Алиса тяжело оперлась о крыло «Стрижа». Адреналиновый откат ударил с силой кузнечного молота. Ноги подкосились, и если бы не твердая рука Феликса, она бы сползла на грязный пол.

— Убери от меня свои ржавые руки, — попыталась огрызнуться она, но вышло слабо. — Я в порядке.

— Ты похожа на утопленника, которого три дня били о скалы, — Феликс подхватил ее на руки. Алиса была высокой и крепкой, но сейчас весила не больше перышка. — Что это было в конце? С тростью. Ты не просто перенаправила ток. Я видел, как деформировался металл. Ты работала с самой структурой атомов.

— Я просто... попросила железо стать мягче, — прошептала Алиса, закрывая глаза и прижимаясь щекой к пропахшему табаком и машинным маслом плечу наставника. — Оно меня послушалось. Кажется, Бездна в моей голове начинает давать советы не только по аэродинамике.

Феликс донес ее до узкой двери медблока, ногой открыл ее и уложил на жесткую койку. — Лежи, — приказал он. — И не смей отключаться. Я сейчас вернусь.

Он вышел, оставив ее наедине с мигающим светом магической лампы. Алиса прислушалась к себе. Правая рука была обернута бинтами, пропитанными охлаждающим гелем. Кожа под ними онемела, но она чувствовала, как под бинтами что-то движется. Не черви, не кровь. Что-то более плотное, геометрически правильное. Словно под кожей росла новая, медная кость, ветвясь тонкими проводниками к самым кончикам пальцев.

Феликс вернулся через минуту. В руках у него была металлическая фляга. — Пей, — он приподнял ее голову.

Алиса сделала глоток. Жидкость была отвратительной на вкус — смесь спирта, желчи левиафана и каких-то горьких горных трав. По пищеводу прокатился жидкий огонь, но уже через секунду туман в голове начал рассеиваться. Мышцы перестали дрожать.

— Старик, у тебя всегда было самое мерзкое противошоковое в империи, — выдохнула она. — Потому что оно работает, — Феликс сел на табурет рядом с койкой. Он долго смотрел на нее, потирая свой единственный зрячий глаз. — Ты хоть понимаешь, что сейчас произошло?

— Я спасла наш проект от гильдейских стервятников. — Ты объявила войну самой могущественной организации в Цитадели, — голос Феликса стал жестким. — Гильдия Магов контролирует небо. Они держат монополию на левитацию. Каждый корабль, каждый лифт, каждый мост между островами платит им налог эфиром. А ты... ты создаешь машины, которым не нужны их кристаллы. Ты создаешь оружие, которое их маги не могут заблокировать. И теперь ты еще и ломаешь их законы физики голыми руками. Они не оставят тебя в покое, Алиса. Они не могут позволить тебе существовать.

— Пусть приходят, — Алиса попыталась пожать плечами, но поморщилась от боли. — У меня есть «Сердце Левиафана». У меня есть чертежи. Мы построим флот, который разнесет их башни по камешку.

— Вот этого я и боюсь, — тихо сказал Феликс. — Посмотри на себя. Ты спустилась в Разлом. Ты выпила молнию. Ты чуть не сгорела заживо. И ради чего? Чтобы построить пушку? Чтобы дать Адмиралтейству еще один инструмент для убийства?

Алиса отвернулась. Она смотрела на серый потолок медблока, где в углах собралась паутина. — Гончие Пустошей не будут спрашивать о философии, когда срежут цепи Южного

Пояса, Феликс. Острова упадут. Миллионы людей погибнут. Если для того, чтобы этого не случилось, мне нужно стать оружием... я стану самым острым мечом в арсенале Империи.

— Ты не меч, — Феликс наклонился ближе, его лицо оказалось в тени, и только латунный глаз смотрел на нее немигающе. — Ты — кузнец. Разница в том, что меч не решает, кого рубить. А кузнец всегда знает цену каждой выкованной стали.

Он поднялся, прошелся по тесной комнатке, задевая плечом полки с колбами. — Знаешь, почему я взял тебя в ученицы десять лет назад? Не потому, что ты была дочерью опального графа. И не потому, что у тебя были золотые руки. Я взял тебя, потому что ты единственная, кто плакал, когда у нас взорвался котел. Не из-за страха. Тебе было жаль потраченного металла. Жаль несработавшей схемы.

— Хватит, Феликс, — отрезала Алиса. — Я устала. Если пришел читать мне мораль, делай это завтра.

— Завтра может не быть, — старик остановился. — К тебе пришли.

— Гильдия вернулась с пушками? — Хуже, — усмехнулся Феликс. — Пришли люди из Адмиралтейства. И с ними человек, чья подпись стоит на приказах о казни императоров.

Кабинет Феликса на вершине Семнадцатого Шпиля продувался всеми ветрами. Здесь не было роскоши Центрального Шпиля — только голый металл, карты Бездны на стенах и огромный чертежный стол из мореного дуба, казавшийся чужеродным в царстве стали.

Их было трое. Двое остались у дверей — мужчины в серых, идеально скроенных мундирах без знаков различия. От них пахло оружейной смазкой, дорогим табаком и смертью. Они не двигались, но Алиса чувствовала, что каждый их мускул — это сжатая пружина.

Третий сидел в кресле Феликса. Он был стар. Очень стар. Его мундир был черным, как провалы между звездами, и на нем не было ни единой пылинки. Лицо состояло из острых углов и глубоких морщин, а глаза... его глаза были абсолютно пустыми. Такими бывают глаза у людей, которые отдавали приказы, стоившие жизней целым континентам.

— Пилот Алиса, — голос старика был сухим, как шелест пергамента. — Меня зовут Иона. Я — Смотрящий.

Алиса осталась стоять. Феликс встал рядом с ней, положив тяжелую руку ей на плечо — жест защиты, который в данных обстоятельствах выглядел почти трогательно.

— Я видела вас на парадах, — сказала Алиса. — Вы командуете Теневым Флотом. Теми кораблями, которых нет в реестрах.

— Я решаю проблемы, которые нельзя решить флотом, — Иона сцепил пальцы в замок. Его взгляд скользнул по Алисе, задержался на ее забинтованной руке, затем переместился на Феликса. — Мастер Феликс. Вы вырастили чудовище.

— Она лучшее, что создал этот Шпиль, — спокойно ответил старик.

— Она опасна, — Иона перевел взгляд на Алису. — Сегодня вы унизили Гильдию Магов. Публично. Вы сломали их магистра, как сухую ветку, используя... что это было? Гравитационную сингулярность в кармане?

— Это была физика, — ровным голосом ответила Алиса. — Магистр не знал, как работает гравитация. Я ему объяснила.

По тонким губам Смотрящего скользнула тень улыбки. — Смелость или безумие? Впрочем, в нашем деле это одно и то же. Я пришел не арестовывать вас. Я пришел предложить работу.

— У меня уже есть работа, — Алиса кивнула на чертежи «Стрижа», лежащие на столе. — Я строю истребители.

— Вы строите анахронизмы, — отрезал Иона. — Ваши «Стрижи» прекрасны. Они быстры. Но они все еще используют эфирные пушки. Гильдия может заблокировать их

выстрел. Они все еще требуют мага для стабилизации. Вы сами только что доказали, что магия — это костыль.

Он достал из внутреннего кармана мундира тонкий серебряный цилиндр. — Мы перехватили сигнал из Пустошей. Гончие используют технологию, которой у нас нет. Они называют это «Резонатором». Они научились разрушать эфирные кристаллы дистанционно. На расстоянии в лигу. Взрыв происходит внутри камня. Никакой щит не спасает.

Феликс глухо выругался. — Это невозможно. Для разрушения матрицы нужен прямой контакт или колоссальный выброс антимагии.

— Они нашли способ, — Иона положил цилиндр на стол. — За последний месяц мы потеряли три дредноута. Экипажи исчезли. Корабли падали в Бездну абсолютно целыми, но с выжженными изнутри сердцами. Если они применяют это против Цепей... Цитадель рухнет за неделю.

Алиса подошла к столу. Ее глаза впились в серебряный цилиндр. — Вы хотите, чтобы я построила защиту?

— Я хочу, чтобы вы построили ответ, — Иона наклонился вперед. — Гильдия предлагает молиться. Адмиралтейство предлагает строить больше кораблей, чтобы терять их быстрее. Я предлагаю ударить в ответ.

Он открыл цилиндр. Внутри, на бархатной подкладке, лежал осколок черного камня. Но он отличался от «Сердца Левиафана». Он был... неправильным. Он не поглощал свет. Он преломлял его, разбивая на спектр, который больно было видеть.

— Это «Осколок Тишины», — сказал Иона. — Найден на месте падения одного из наших дредноутов. Он был в реакторном отсеке. Это то, что осталось от их «Резонатора» после того, как он перегрузился и уничтожил сам себя.

Алиса осторожно, кончиками пальцев левой руки, коснулась камня. Ее тут же пронзило холодом. Не физическим — метафизическим. Если «Сердце Левиафана» было яростным, пульсирующим, полным жизни, то «Осколок Тишины» был мертвым. Это была абсолютная энтропия. Он не излучал энергию, он ее высасывал. Не только магию — саму вибрацию атомов.

— Если направить этот спектр на вражеский эфирный кристалл... — начала Алиса. — Он не взрывает его, — закончил Иона. — Он заставляет его замолчать. Кристалл перестает существовать как источник энергии. Он становится просто куском стекла.

Алиса отдернула руку. На подушечке указательного пальца остался белый след обморожения. — Чтобы создать излучатель на базе этого, мне нужен источник питания, который не использует эфир, — сказала она, глядя на Иону в упор. — Вам нужно мое «Сердце».

— Мне нужно всё, что у вас есть, — кивнул Иона. — Ваш гений. Ваша машина. И ваш... талант.

— Мой талант — это инженерия, — жестко сказала Алиса. — Я не солдат. Я не буду убивать людей.

— Вы будете спасать острова, — парировал Иона. — Условия такие: вы получаете статус «Особого актива Империи». Полный карт-бланш на ресурсы. Любой металл, любые цеха, любые... любые руки, которые вам понадобятся. Вы работаете только на меня. Гильдия Магов не узнает о существовании этого проекта. Адмиралтейство будет получать только отчеты о «испытаниях новых паровых котлов».

— А если я откажусь? — спросила Алиса.

Иона посмотрел на нее своим пустым взглядом. — Тогда, пилот Алиса, вы официально признаетесь нестабильным элементом. Тем, кто способен поднять бунт на Шпице, используя только законы гравитации. Вас отправят на нижние уровни Центрального Шпиля. В «Сады Безмолвия». Место, где стены обиты войлоком, а день неотличим от ночи. Вы будете рисовать схемы несуществующих машин на стенах, пока ваш разум не выгорит окончательно. А ваш «Стриж» разберут на винтики, чтобы изучить, почему он не убил вас в Разломе.

Он встал. — У вас есть час на размышления. Но советую посмотреть в окно.

Смотрящий и его тени вышли, оставив после себя запах озона и могильного холода.

Алиса стояла, сжимая и разжимая здоровую руку. Ее трясло. Не от страха перед «Садами Безмолвия». От ярости. От того, как легко этот старик перечеркнул ее жизнь.

— Сукин сын, — выдохнула она. — Он нас купил.

— Он нас спас, — тихо сказал Феликс. — Алиса, посмотри на меня.

Она повернулась. Лицо старика было серьезным и печальным. — Ты хотела строить. Теперь у тебя есть заводы всей Империи. Ты хотела летать. Теперь у тебя есть карт-бланш на любой полет. Ты хотела доказать Гильдии, что их магия — это просто плохой инженерный расчет. Тебе дали в руки их самое страшное оружие.

— Он хочет, чтобы я сделала пушку, Феликс, — голос Алисы дрогнул. — Пушку, которая будет гасить солнца.

— А ты сделай из нее маяк, — Феликс подошел и взял ее лицо в свои грубые, покрытые шрамами ладони. — Девочка моя, послушай. Я старый циник. Я видел, как Империя пожирает своих детей. Но я смотрю на тебя и вижу не инструмент. Я вижу архитектора. Этот «Осколок Тишины»... он убивает. Но если научиться им управлять... если научиться не просто гасить энергию, а перенаправлять ее...

— Аккумулятор бесконечной емкости, — прошептала Алиса. Ее глаза снова загорелись тем самым опасным, лихорадочным огнем. — Если «Осколок» высасывает эфир, мы можем направить этот поток в накопитель. Мы можем превратить оружие разрушения в самый мощный генератор в истории. Гильдия Магов станет не нужна не потому, что мы их убьем, а потому, что их магия станет просто... неэффективной. Дешевой.

Феликс улыбнулся. — Вот теперь я узнаю свою ученицу.

— Час, — Алиса посмотрела на настенные часы. — У нас нет часа.

Она подошла к своему чертежному столу. Схватила чистый лист пергамента и тяжелый графитовый стержень. — Феликс, мне нужен полный доступ к архивам Гильдии. Схемы их эфирных сердечников. Мне нужно знать частоту, на которой они резонируют.

— Я не могу... — начал Феликс.

— Ты теперь не просто мастер цеха, — Алиса не отрывала взгляда от бумаги, где под ее рукой уже рождались первые линии чертежа. — Ты — главный инженер «Проекта Тишина». Твоя подпись теперь открывает любые двери. Иди. Достань мне их секреты.

Феликс посмотрел на нее, на ее сгорбленную над столом фигуру, на то, как быстро, почти яростно движется ее рука. Он видел перед собой не девочку, которая плакала над взорвавшимся котлом. Он видел силу, которая только что сломала магистра Гильдии и даже не заметила этого. — Алиса, — позвал он.

— М? — она не обернулась.

— Будь осторожна. Когда играешь с такими вещами, очень легко потерять себя в темноте.

— Не волнуйся, старик, — Алиса наконец подняла голову. В ее глазах не было ни капли сомнения. Только бесконечная, холодная глубина математического расчета. — Я не потеряюсь. Я здесь как дома.

Когда Феликс вышел, плотно прикрыв за собой тяжелую дверь, Алиса осталась одна. Она подошла к узкому смотровому окну кабинета. Далеко внизу, в разрывах облаков, светились огни Семнадцатого Шпиля. А еще дальше, на самом краю видимого мира, пульсировало багровое зарево Бездны.

Она достала из кармана фартука свой собственный осколок «Солнечного льда». Синий камень был теплым в ее ладони. Он пульсировал в такт ее сердцу.

Затем она посмотрела на «Осколок Тишины», оставленный Ионой на столе. Он был черным. Абсолютно.

Алиса взяла графитовый стержень. — Что ж, — сказала она пустой комнате. — Давайте научим тишину петь.

Следующие сорок восемь часов слились в один сплошной поток чертежей, расчетов и боли. «Сады Безмолвия» больше не пугали ее. Страх — это эмоция, а на эмоции не было времени. Алиса построила вокруг себя стену из цифр.

Она начала с главного недостатка «Осколка Тишины». Он был пассивен. Он просто поглощал всё вокруг, пока не достигал критической массы и не аннигилировал сам себя вместе с окружающим пространством.

— Проблема в фокусировке, — бормотала Алиса, меряя шагами ангар. Феликс, вернувшийся с ворохом украденных из Гильдии свитков, едва поспевал за ней. — Он излучает энтропию во все стороны. Как черная дыра. Нам нужно превратить его в лазер.

— Лазер из небытия? — Феликс тяжело опустился на ящик с инструментами. — Девочка, ты пытаешься построить парусник из воды.

— Нет, — Алиса остановилась и ткнула в него пальцем. — Я пытаюсь построить сито. Смотри.

Она развернула на верстаке схему эфирного кристалла Гильдии. — Они используют шестиугольную матрицу. Идеальная форма для удержания энергии. Но именно поэтому она хрупкая. Если ударить по ней резонансом...

— Частота «Тишины» сминает решетку, — кивнул Феликс, вглядываясь в чертежи. — Но как ты собираешься ее направить? Любой металл, который ты используешь как волновод, просто... исчезнет. Станет пылью.

— Если металл будет обычным, — согласилась Алиса. — Но у нас есть «Сердце Левиафана».

Она развернула следующий лист. Это был разрез ее собственного истребителя. — Смотри сюда. Мы помещаем «Осколок Тишины» в центр. В фокус параболического отражателя. Но отражатель мы делаем не из стали. Мы делаем его из матрицы, выращенной на основе «Сердца».

— «Сердце» поглощает гравитацию, — Феликс прищурился. — А «Тишина» поглощает эфир...

— А вместе они создают зону нулевого сопротивления! — Алиса ударила кулаком по столу. — «Сердце» будет изолировать «Осколок» от физического мира, не давая ему сожрать обшивку. А «Осколок» будет выбрасывать энтропию строго в одном направлении — в сторону врага. Мы получим пушку, которая одним выстрелом будет превращать вражеские корабли в бесполезные куски железа, не разрушая их физически. Они просто упадут. Как камни.

Феликс долго молчал, потирая переносицу. — Это сработает, — наконец сказал он. — Теоретически. Но отдача, Алиса... Если ты выстрелишь таким лучом из «Стрижа», инерция просто разорвет машину на части. Даже твой компенсатор не справится.

— Значит, мы не будем стрелять из «Стрижа», — Алиса хищно улыбнулась. — Мы построим баржу.

— Баржу?

— Летающую платформу, — Алиса уже чертила новый эскиз. — Огромную. Минимум сто ярдов в длину. Никакой эстетики, только чистая математика. Корпус из цельнолитого базальта, добытого в Разломе — он инертен к магии. На нем мы установим излучатель. А питать его будут...

Она замолчала и посмотрела на Феликса. — Феликс, сколько «Солнечного льда» мы можем произвести?

Старик побледнел. — Ты хочешь спуститься туда снова? После того, что он сделал с твоей рукой?

Алиса посмотрела на свои забинтованные пальцы. Кожа под бинтами уже не была просто обугленной. Сквозь нее просвечивал сложный узор из тонких, как волос, медных нитей. — Он сделал меня сильнее, — тихо сказала она. — Я чувствую потоки, Феликс. Я чувствую, как Бездна дышит. Я могу нырнуть глубже. Я могу принести больше.

— Ты сгоришь, — в голосе Феликса не было приказа, только мольба. — В следующий раз ты не вернешься.

— Если мы не достроим баржу, сгорит весь Южный Пояс, — отрезала Алиса. — Подготовь подъемники. Я спущусь на закате.

— Я спущусь с тобой.

Алиса впервые за двое суток остановилась. Она посмотрела на своего наставника — на его сгорбленную спину, на трость, на латунный глаз, в котором плескалась тревога. — Нет, — сказала она мягче. — Твоя задача здесь. Гильдия не дураки. Они поймут, что Иона забрал нас под крыло. Они придут проверять цеха. Ты должен показывать им паровые турбины. Старые, добрые, неэффективные турбины. Пусть думают, что мы сошли с ума, пытаясь обогнать их с помощью угля.

— А ты?

— А я буду делать то, что умею лучше всего, — Алиса подошла к «Стрижу» и провела рукой по его черному борту. — Я буду летать. И собирать молнии.

Закат в Семнадцатом Шпиле всегда был кровавым. Алиса стояла на краю платформы, готовясь к спуску. На этот раз она была не в легком летном комбинезоне. Феликс сварил для нее специальный костюм — гибкий панцирь из вольфрамовой сетки, прошитый слоями асбеста и кожи левиафана. Он весил как рыцарские доспехи, но должен был защитить ее от жара Бездны.

— Система жизнеобеспечения рассчитана на четыре часа, — Феликс проверял замки на ее воротнике. — Если через четыре часа я не увижу твой маяк, я начну подъем.

— Через три, — поправила Алиса. — У меня нет времени на спасательные операции.

— Ты невыносима, — Феликс крепко обнял ее, прижав к холодной броне костюма. — Будь осторожна. Не геройствуй.

— Я инженер, — усмехнулась она в ответ. — Я просто иду на работу.

Она села в кабину «Стрижа». Внутри пахло озоном и чем-то сладковатым — так пах перегретый «Солнечный лед» в аккумуляторах.

Алиса закрыла колпак. Контакт с «Сердцем Левиафана» установился мгновенно. После того, как она пропустила через себя молнию, граница между ней и машиной почти стерлась. Она чувствовала крылья как свои руки, а турбины — как свои легкие.

— Выпускайте, — бросила она диспетчеру.

Платформа ушла из-под ног. «Стриж» камнем рухнул вниз, в багровую пасть Разлома.

На этот раз спуск был другим. Она не боролась с машиной. Она была ею. Она ныряла в потоки восходящего жара, используя их, чтобы гасить скорость. Она танцевала между исполинскими молниями, которые здесь, внизу, били непрерывно.

Она нашла то место, где воздух становился густым, как патока. Место, где гравитация сходилась с ума.

Алиса зависла в центре шторма. Она не стала ждать. Она знала, что времени мало.

Она открыла все каналы «Сердца». И начала пить.

Это не было похоже на прошлый раз. Тогда она была сосудом, который пытались заполнить до краев. Теперь она была насосом. Она тянула на себя самую суть Бездны.

Мимо «Стрижа» проносились сгустки плазмы. Температура за бортом превысила предел измерения приборов. Вольфрамовая сетка костюма начала светиться тусклым вишневым светом.

Алиса не чувствовала жара. Она чувствовала только тяжесть. «Сердце Левиафана» в брюхе машины пульсировало, расширяясь. Оно больше не было размером с кулак. Оно разрослось, заполняя собой всё пространство под креслом, давя на переборки.

Алиса посмотрела на свою правую руку. Кожа на ней лопнула. Но вместо крови из ран сочился жидкий, светящийся медный свет. Провода, растущие внутри нее, соединились с проводкой кабины.

Она закрыла глаза и улыбнулась. Бездна больше не была для нее чужой. Она была сложным, прекрасным механизмом. И она наконец-то поняла его чертеж.

— Достаточно, — прошептала она.

Она рванула штурвал. «Стриж» взвыл, преодолевая звуковой барьер в среде, где звука быть не должно. Он выстрелил вверх, пробивая слои атмосферы.

Когда она вырвалась на свет Семнадцатого Шпиля, солнце уже село. На востоке взошли две луны — холодная синяя и багровая, отражающая свет Бездны.

Алиса посмотрела на приборы. Она провела внизу двадцать минут. Феликс ошибся. Ее костюм выдержал. Ее тело выдержало.

Она открыла люк. В кабине, в специальных захватах, лежали не три маленьких слитка. Там покоился монолит «Солнечного льда» размером с человеческую голову. Он светился так ярко, что освещал весь ангар сквозь бронестекло. Энергии в нем хватило бы, чтобы поднять весь Семнадцатый Шпиль на милю выше.

Алиса выбралась из кабины. Ноги ее не держали. Она оперлась о крыло, тяжело дыша. Костюм дымился.

Феликс подбежал к ней, но остановился в шаге, глядя на ее руку. — Алиса... твоя рука...

Она подняла правую ладонь. Кожи на ней почти не осталось. Вся конечность от локтя до кончиков пальцев представляла собой сложный биомеханический протез. Медь, кость и черная, похожая на обсидиан плоть, в которой пульсировали руны. Она не чувствовала боли. Она чувствовала идеальный, холодный контроль.

— Я же говорила, — прохрипела она, глядя на свою новую руку с исследовательским интересом. — Он меня переделал. Теперь я подхожу для этой работы.

Она кивнула на гигантский кристалл в кабине. — А теперь иди. Зови рабочих. Нам нужно строить баржу.

Феликс смотрел на нее — на девушку, которая спустилась в ад и вернулась оттуда, став его частью. Он видел перед собой не просто гения-механика. Он видел оружие. Самое совершенное и самое пугающее оружие в истории Небесной Цитадели.

И он понимал слова Ионы. Империя действительно могла использовать ее талант в военных целях. Проблема была в том, что Алиса, кажется, была совершенно не против.

— Есть, адмирал, — тихо сказал Феликс, отдавая честь, и пошел поднимать рабочих.

Алиса осталась одна в тишине ангара. Она посмотрела на свои руки — одну живую, другую состоящую из света и металла. Посмотрела на чертежи «Проекта Тишина», видневшиеся на столе Феликса.

Она подошла к «Стрижу» и прижалась лбом к его холодному, остывающему борту. — Мы им покажем, — прошептала она в черную сталь. — Мы покажем им, как на самом деле звучит тишина.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.